

А.А.Галкин

У ИСТОКОВ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ (1960–1985 ГГ.) СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

Ключевые слова: политическая наука, научные коллективы, внешняя политика, оттепель, реставрация, постсталинизм, идеологическая дисциплина

Нынешнее возрождение политической науки сопровождается, как это ни странно, прогрессирующим забвением его истоков. Этому способствуют несколько привходящих обстоятельств. Во-первых, речь идет о годах, о которых до сих пор принято говорить или ничего, или плохо. Во-вторых, основной состав современной политологической элиты сформировался в атмосфере, когда каналы преемственности, столь важные для любой науки, были психологически перекрыты. Отсюда сложившееся в ее кругах представление, что сотворение «политологического мира» началось с того момента, когда она к этой науке приобрелась. В-третьих, под ударами беспощадного времени представители поколения, стоявшего у истоков возрождения политической науки, либо покинули научную стезю, либо отправились в мир иной. Поэтому вспомнить, как все это было, в силах лишь единицы.

Между тем осуществить это необходимо. И дело не только в том, что такое забвение несправедливо. Вжиться, хотя бы частично, в сложную, противоречивую духовную атмосферу, в которой появлялись, оформлялись и становились элементом общественного сознания первые за многие десятилетия политологические работы, узнать, как на предельно вытопанном поле, вопреки неблагоприятным обстоятельствам, вновь возрастали научные ростки, почему это произошло, как складывались отношения еще не очень опытных исследователей с неблагожелательно настроенной властью, что эти исследователи сумели сделать, а в чем не преуспели содержательно и практически, чрезвычайно важно сегодня, когда перед нашей политической наукой вновь встают многочисленные непростые задачи.

Изложенное ниже не претендует на полное и всестороннее описание происходившего. Для этого потребуются немалая дополнительная работа. Это, скорее, субъективный взгляд очевидца, оказавшегося волей судеб в центре событий.

* * *

Годы, предшествовавшие появлению первых работ, которые можно оценить как политологические, принято называть оттепелью. Сейчас при обращении к этому периоду нередко господствует негативный или, в лучшем случае, пренебрежительный тон. Он во многом определяется тем, что перемены, происходившие в то время, взвешиваются исходя из нынешних ценностей и уровня знаний. Немалую роль играет при этом специфика политических предпочтений.

Однако современники перемен воспринимали их иначе. Многие увидели в них залог лучшего будущего, свет в конце тоннеля, коренной поворот в устоявшемся образе жизни. Особенно это было свойственно людям, причастным к умственному труду.

Пришел конец унижительному, рабскому восхвалению вождя и его свиты. Уже в апреле 1953 г., то есть вскоре после смерти Сталина, в журналистские круги проникла информация, что «верхи» не одобряют бездумного и преувеличенного прославления покойного «небожителя». Внешним проявлением этого поворота стало решение Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1953 г., запрещающее оформлять в дни государственных праздников колонны демонстрантов, дома и иные постройки портретами советских вождей. Впоследствии решение было отменено, однако на общественное сознание оно наложило существенный отпечаток.

Важный сигнал обществу дала первая массовая постсталинская амнистия. Ныне ее чаще всего вспоминают как непродуманный акт, открывший путь на свободу множеству уголовников-рецидивистов. Действительно, что было — то было. Издержки проведенной амнистии не вызывают сомнений. Вместе с тем не следует забывать, что на наиболее опасных уголовников она все же не распространялась — ей подлежали лишь лица, осужденные на минимальные для тех лет сроки — от трех до пяти лет. Всего из тюрем и лагерей было выпущено около миллиона человек — одна треть всех заключенных. И большинство из них не были законченными преступниками.

Вслед за амнистией были законсервированы многие «образцово-показательные» стройки, на которых были заняты сотни тысяч заключенных, закрыты лагеря, в которых они содержались. Примерно в это же время приказом МВД было запрещено применение к арестованным мер физического воздействия, говоря нормальным языком — пыток, и ликвидированы соответствующие помещения вместе с их оборудованием.

Многие из этих шагов не были тогда известны основной массе граждан. Тем не менее общество в целом почувствовало явное ослабление жесткой хватки репрессивного государственного аппарата.

Затем последовали более решительные действия.

В середине 1950-х годов началась, приобретая все более широкие масштабы, реабилитация неправедно осужденных политических заклю-

ченных. За ней последовало дезавуирование наиболее громких политических процессов второй половины 1930-х годов. В результате заметно пошатнулась тщательно охранявшаяся прежде пирамида идеологических мифов. На пути к новому знанию открылись — прежде всего для молодежи — дополнительные, хотя пока и не очень нахоженные тропы.

Появились первые трещины в системе идеологических заграждений. В библиотеки поступило распоряжение резко сократить объемы так называемых «спецхранов», в которых хранилась литература, доступная лишь немногим. Она в основной своей массе была переведена в общие фонды. Спустя некоторое время «спецхраны» опять были расширены, но главным образом за счет новых поступлений: возвращение в «спецхран» книг, переданных в общие фонды, оказалось настолько трудоемким, что от него пришлось отказаться. Образовалась еще одна брешь, в которую хлынул поток информации, считавшейся до тех пор запретной.

После XX съезда КПСС (весна 1956 г.), осудившего культ Сталина, либеральнее стала вести себя и цензура. Читатели получили возможность познакомиться с художественной литературой, отражавшей не только виртуальную, но и реальную жизнь. На русском языке широкими тиражами были изданы некоторые значительные труды иностранных историков, философов и экономистов. Участились визиты в страну зарубежных деятелей культуры. Была дана санкция на издание рассчитанного на молодежь журнала «Юность», которому разрешили некоторую долю вольномыслия. Аналогичные права получили отдельные театры («Современник», а затем Театр на Таганке). Появились нестандартные, близкие к реальности кинофильмы. Массовый, во многом нонконформистский характер приобрели регулярные вечера поэзии в Политехническом музее и т.д.

Ослаблению идеологических барьеров, оправданием которых служило восприятие Советского Союза как крепости, осажденной врагами, способствовала активизация внешней политики. В это время руководством страны был принят курс, направленный на ослабление международной напряженности, реально чреватой мировым атомным катаклизмом.

В 1953 г. было подписано перемирие, остановившее военные действия в Корее, грозившие перерасти в широкомасштабную войну на азиатском континенте. В 1954 г. на Женевском совещании министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции было достигнуто соглашение о прекращении длившейся уже шесть лет колониальной войны в Индокитае. В том же году Советский Союз подписал Устав Организации Объединенных Наций по вопросам просвещения, науки и культуры (ЮНЕСКО), тем самым став ее полноправным членом, а также вступил в Международную организацию труда. Примерно тогда же правительство СССР направило ноту правительствам

США, Великобритании и Франции с предложением создать систему безопасности в Европе. В 1955 г. был подписан Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии, положивший конец ее оккупации войсками СССР, США, Великобритании и Франции.

Проведение такой политики требовало принципиально иного уровня знаний о международной ситуации, о мировой экономике и о положении в отдельных странах и регионах — прежде всего в тех, что играли заметную роль на мировой арене. Между тем общественные науки — в том состоянии, в котором они тогда находились, — обеспечить этот уровень были не в силах. Лучшие специалисты, работавшие в этой области в 1920—1930-е годы, были лишены возможности заниматься своим делом, пребывали в заключении или были уничтожены. В том, что сохранилось от общественных наук, за редким исключением доминировало бездумное повторение догм и цитирование сльвиших классическими текстов. Многие в этой области предстояло начинать сначала.

В этих условиях постсталинское руководство страны не без колебаний, но пошло на оздоровление ситуации в общественных науках.

В 1954 г. решением Президиума ЦК КПСС под эгидой Министерства иностранных дел был создан общественно-политический журнал «Международная жизнь», которому вменялось в обязанность не только освещать мировые события и доводить до сведения общественности внешнеполитические установки советского руководства, но и осуществлять научную разработку соответствующей проблематики. В этих целях журнал получил штатное расписание, вполне сопоставимое с тем, которое обычно предоставлялось научно-исследовательским институтам.

В 1956 г. в системе Академии наук СССР был образован Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), от которого впоследствии отпочковался ряд региональных институтов: Латинской Америки, Африки, Соединенных Штатов (позднее США и Канады), Европы, Дальнего Востока, социалистической системы, а также Институт международного рабочего движения (ИМРД). Одновременно были усилены исследования текущей ситуации в странах Азии в уже существовавшем Институте востоковедения.

При ИМЭМО был учрежден журнал «Мировая экономика и международные отношения»; при Институте востоковедения — журналы «Азия и Африка сегодня» и «Народы Азии и Африки». Впоследствии аналогичные журналы появились и при других региональных институтах. В Праге, в основном на средства КПСС, был создан международный журнал «Проблемы мира и социализма», основной задачей которого стало изучение и освещение ситуации в левом и национально-освободительном движении в различных регионах планеты.

Новым институтам и журналам была обеспечена возможность более широкого подключения к информационным каналам. С этой целью

в рамках Академии наук был образован специальный Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН), которому были предоставлены валютные средства для приобретения зарубежной периодики и специальной литературы, а также техника, необходимая для издания реферативных материалов. В большинстве новых исследовательских институтов были созданы библиотеки или филиалы библиотеки ИНИОН. Их сотрудникам был открыт доступ к ежедневным выпускам бюллетеней ТАСС под грифом «для служебного пользования», а также к некоторым считавшимся закрытыми изданиям.

Существенной реорганизации подверглись международные службы ЦК КПСС. Вместо одного Международного отдела были созданы два — Отдел по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран (в обиходе просто международный) и Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран социалистического содружества (так называемый «братский»). Одно время существовал и активно функционировал третий отдел — Международной информации.

Соответственно, остро встал вопрос о кадрах для всех этих отделов, институтов и научных изданий.

Обращение к старым проверенным сотрудникам (в том числе вернувшимся из «мест не столь отдаленных») проблемы не решало. Институты и редакции журналов стали комплектоваться прежде всего за счет выпускников наиболее престижных московских вузов — МГУ, Института международных отношений, Института народного хозяйства — и их аспирантур, а также аспирантуры Академии наук СССР. Свой вклад в решение кадрового вопроса внесли отдельные кафедры Академии общественных наук при ЦК КПСС. Поиск сотрудников активно велся и далеко за пределами Москвы.

После предварительной обкатки в научных институтах и журналах наиболее успешные «новобранцы» приглашались на работу в международные отделы ЦК в качестве референтов и консультантов, призванных готовить политические документы и тексты выступлений для руководства.

В эту когорту, естественно, попадали разные люди: идейные и циники, способные и не очень, трудоголики и лентяи. Впоследствии некоторые из них сделали успешную научную, а иногда и политическую карьеру. Другие остались незамеченными за пределами узкого круга специалистов. Третьи просто исчезли с горизонта, найдя себе поприще, далекое от политики и науки. Тем не менее всем им было присуще нечто общее, позволяющее рассматривать их как своего рода целое: хорошее базовое образование, знание зарубежных языков и реальной ситуации в странах, специалистами по которым они были, а главное — умение мыслить и излагать свои мысли на бумаге. В отличие от своих коллег старой закалки, они были открыты новым веяниям, интенсивно впитывали поступающую информацию, обладали критическим складом ума и реально оценивали окружающую обстановку.

Перемены, о которых шла речь выше, не могли не оказать влияния на смежные научные и политические структуры. Свежие веяния сказались не только на академических институтах, не затронутых «новым научным строительством», — Институте всеобщей истории, Институте философии и некоторых других (там тоже появились и новые, неангажированные специалисты, и новые сферы научного интереса), — не только на кафедрах ведущих вузов, но и на системе партийных институтов, все чаще пытавшихся выйти за рамки догм и устоявшихся подходов.

Не минули эти веяния и ряд «не международных» отделов ЦК КПСС, в которых стали создаваться собственные группы консультантов, состоявшие из сотрудников, во многом походивших на своих коллег-международников.

Возникшая в этих условиях духовная атмосфера способствовала образованию формальных, а чаще всего — и не очень формальных исследовательских групп, занявшихся проблематикой, имевшей более или менее прямое отношение к политической науке. На первых порах их ядро составили международники, работавшие в системе Академии наук СССР и в аппарате ЦК КПСС. Поэтому в центре их научных интересов оказались главным образом внешнеполитические проблемы: вопросы мировой политики, прежде всего перспективы разрядки международной напряженности и прекращения гонки ядерных вооружений, оценка процессов, развертывавшихся в развитых капиталистических странах, особенности переживавшей тогда подъем антиколониальной, национально-освободительной борьбы, ситуация в зарубежном рабочем движении и — шире — в левой части политического спектра.

Их исследовательскую работу в значительной мере облегчало то, что получаемые ими результаты имели не только теоретическое значение, способствуя накоплению знаний и тем самым наметившемуся возрождению политической науки, но были востребованы властью. Из академических институтов и международных отделов ЦК КПСС руководству страны поступали многочисленные докладные записки, которые, хотя далеко не всегда, оказывали влияние на характер принимаемых решений. Это, в свою очередь, обеспечивало соответствующим исследовательским коллективам относительную свободу действий и в ряде случаев ограждало их от гипертрофированного усердия все еще многочисленных блюстителей «идеологической стерильности».

Со временем, особенно после XX съезда КПСС, в Советском Союзе резко возрос интерес политически активной публики к проблемам прошлого и настоящего собственной страны. Это имело следствием существенное расширение исследовательского поля за счет внутренней проблематики. Естественно, что под влиянием сложившейся ситуации в центре внимания оказались проблемы трагического прошлого, связанного с именем Сталина, и пути освобождения от его наследия.

Уже на этом этапе в исследованиях данной проблематики наметились два все заметнее расходящихся направления. Одно — остро критическое, все откровеннее выходящее за пределы господствовавшей идеологии; другое — пытавшееся осмыслить произошедшее и происходящее в ее рамках. Первое было сосредоточено главным образом в Институте всеобщей истории и Институте философии АН СССР, в МГУ и некоторых других московских вузах, второе — в «международных» академических институтах, а также в партийных учебных заведениях, прежде всего в Академии общественных наук и Высшей партийной школе.

В свете сказанного было бы несправедливо не упомянуть людей, сыгравших ведущую роль в проращивании первых ростков возрождавшейся науки о политике. К их числу относятся академик А.А.Арзуманян — создатель и первый директор ИМЭМО АН СССР, первый главный редактор журнала «Проблемы мира и социализма», академик А.М.Румянцев — создатель и директор Института конкретных социальных исследований (позднее Институт социологии АН СССР), а также такие работники аппарата ЦК КПСС, как заместитель заведующего Международным отделом А.С.Черняев, руководитель группы консультантов Отдела по связям с компартиями стран социалистического содружества Ф.М.Бурлацкий и Г.Х.Шахназаров, вскоре ставший первым президентом Советской ассоциации политических наук, а затем и первым заместителем заведующего Отдела по связям с «братскими» компартиями.

Между тем начиная с 1964 г., когда Н.С.Хрушев был снят с поста первого секретаря ЦК КПСС, политический курс, получивший наименование оттепели, стал сменяться иным, содержащим явные элементы отрицания того, что делалось в предыдущее десятилетие. Эта замена происходила постепенно и обрела окончательные черты лишь к 1969 г. — после насильственного подавления «Пражской весны» вооруженными силами стран Варшавского договора.

Было бы преувеличением утверждать, что отказ от политики оттепели знаменовал собой возвращение к порядкам, царившим при Сталине. Для этого не было объективных предпосылок. Его не приняла бы значительная часть общества; его не хотела партийно-хозяйственная элита, лишь недавно избавившаяся от неизбывного страха перед репрессиями, инициируемыми «верхами»; не было прочного сплочения в высшем руководстве страны; наконец, не просматривался харизматический лидер, способный претендовать на абсолютную власть в партии и в стране.

Тем не менее признаки реставрации прошлого продолжали множиться. Был отменен ряд позитивных решений, принятых в годы оттепели. Оживились репрессивные структуры. Подняла голову приунывшая было цензура. Ответом на беспокойство мыслящих людей, предостерегавших общество от попятного движения и прибегавших с этой

целью к коллективным письмам в адрес представителей власти (так называемое «движение подписантов»), стали усилия партийных органов, направленные на восстановление «идеологической дисциплины».

На людей, сохранивших верность ценностям, провозглашенным в годы оттепели, или просто отстаивающих точку зрения, не полностью совпадавшую с одобренной свыше, посыпались партийные взыскания, у них начали возникать трудности на работе, при выезде в научные командировки за границу и т.д. Кое-кто расставался с партийным билетом, что означало в те годы не только конец деловой карьеры, но и потерю возможности трудиться в избранной сфере.

При этом ситуация не была однозначной. В отношении масштабов политического «отката», его пределов и тех методов, которые следует использовать для наведения «порядка», не было единства ни в руководстве, ни в партийном и государственном аппарате. В некогда нерушимом идейном монолите явно обозначилась трещина, разделившая руководящие кадры на умеренных и радикалов, «прогрессистов» и «консерваторов». Между ними то и дело вспыхивали аппаратные схватки. И поражение в них было нередко чревато полной утратой политических позиций.

Недаром именно в это время родилась шутливая сентенция: «В СССР политическая система однопартийна, но зато многоподъездна». И действительно, схлопотав неприятности в «подъезде», где размещались «консерваторы», можно было найти поддержку в другом — у «прогрессистов».

Изменение общей обстановки, естественно, отразилось на исследовательской деятельности. Ревнители «идейной чистоты» стали проводить откровенные идеологические налеты на научные коллективы, работавшие в перспективных отраслях, в том числе в политической науке. Вновь возродилась практика публичного поношения в печати авторов книг, в которых можно было углядеть хоть намек на отступление от догмы.

В 1971—1972 гг. подвергся разгрому Институт конкретных социальных исследований АН СССР, в котором была создана и успешно функционировала группа отделов, занимавшихся изучением политических процессов. Часть сотрудников Института, среди которых были и ученые с высокой международной репутацией, была вынуждена сменить место работы.

¹ Гефтер 1969.

После инспирированной Отделом науки ЦК КПСС зубодробительной критики книги «Историческая наука и некоторые проблемы современности»¹, выпущенной Институтом всеобщей истории АН СССР, подготовивший ее сектор методологии, возглавляемый известным специалистом по российской истории М.Я.Гефтером, был просто-напросто расформирован.

В 1982 г. была предпринята попытка разделаться с ИМЭМО. Благодаря аппаратной операции, проведенной группой влиятельных

«прогрессистов», имевших доступ к центру принятия решений, атака была отбита, однако ряду крупных исследователей, включая Г.Г.Дилигенского, заведующего отделом социально-политических проблем капитализма, где активно разрабатывалась политологическая проблематика, пришлось оставить Институт.

Как видно из приведенных примеров, «многоподъездность» политической системы иногда позволяла избегать крайних последствий. Ряд институтов и исследовательских коллективов в конечном счете удалось защитить. Ученым, вынужденным покинуть подвергшиеся атакам институты, обычно удавалось найти более или менее приемлемую работу в другом месте и продолжить исследования, иногда даже по прежней теме.

Одним из учреждений, где находили убежище изгнанные исследователи впадших в немилость научных направлений, в том числе политической науки, был ИМРД. Немалая заслуга в этом, бесспорно, принадлежит тогдашнему директору Института члену-корреспонденту АН СССР Т.Т.Тимофееву. С течением времени благодаря притоку квалифицированных кадров в ИМРД сложилась сильная политологическая команда, что дало основание для последующего преобразования его в Институт сравнительной политологии.

В целом, однако, общая обстановка в стране, мягко говоря, не способствовала научному поиску. И это, естественно, сказалось на структуре и содержании проводимых исследований.

Поскольку главным направлением удара стали исследования процессов, происходивших (и происходящих) в Советском Союзе, наибольшие потери понесла именно эта область знания. Отдельные проекты были закрыты. Кто-то сменил тематику, обратившись к проблемам далекого прошлого. Сохранившие верность современности перешли к изучению сравнительно нейтральных объектов, не представлявших интереса для официальных идеологов и «власть имущих». Некоторые начали работать «в стол», рассчитывая опубликовать полученные результаты когда-нибудь в будущем.

Соответственно, изменилась ориентация ряда исследовательских коллективов. Резко вырос удельный вес тех, кто в своей работе над внутренней проблематикой выходил за установленные системой идеологические рамки. Усилилась критическая заостренность анализа и конечных выводов. Многие из них превращались одновременно в средство политической борьбы.

Меньше пострадали специалисты, исследовавшие международные сюжеты. Их работы, особенно те, что имели выход на практику внешней политики, оставались востребованными структурами, готовившими и принимавшими решения. В отношении этих работ проявлялась некоторая терпимость — даже в тех случаях, когда отдельные оценки и выводы представлялись недостаточно идеологически выверенными. Однако и на этой области знания стало все заметнее сказываться общее похолодание.

При всем том исследовательская работа продолжалась. Ростки возрождавшейся политической науки выдержали наступившие заморозки. Постепенно расчищались идеологические завалы, накапливалось политологическое знание, раскрывались новые горизонты, готовились и закалялись кадры для будущих прорывов.

Были получены нетривиальные результаты при исследовании ряда направлений. Прежде всего речь идет об общей теории политической науки (Ф.М.Бурлацкий, В.И.Гантман, М.Я.Гефтер, Г.Г.Дилигенский, Ю.А.Красин, И.К.Пантин, Н.Н.Разумович, А.М.Салмин, А.Д.Сахаров, В.С.Семенов, И.Т.Фролов, В.Г.Хорос, М.А.Чешков, Г.Х.Шахназаров) и теории революций (Г.Г.Водолазов, Я.С.Драбкин, К.Л.Майданик, Е.Г.Плимак, А.Б.Резников, А.С.Черняев), анализе проблем социализма как общественной системы (А.П.Бутенко, Л.В.Карпинский, Э.В.Клопов, В.А.Кулинченко, В.Т.Логинов, С.В.Рогачев, Н.А.Симония), изучении социально-политической ситуации в индустриально развитых зарубежных странах (В.Б.Кувалдин, И.Б.Левин, Б.Р.Лопухов, Б.С.Орлов, С.П.Перегулов, К.Г.Холодковский) и антиколониального, национально-освободительного движения (К.Н.Брутенц, К.Л.Майданик, Г.И.Мирский), оценке международной ситуации (Е.А.Амбарцумов, Г.А.Арбатов, А.Е.Бовин, Н.Н.Иноземцев, Д.Е.Меламид, В.П.Лукин). При детальном рассмотрении научной продукции того времени приводимый список можно было бы существенно пополнить².

² Прежде всего в этот список необходимо внести фамилию автора этой статьи, создавшего первую в стране школу политической социологии (см. Михайлов 1999/2000). Его перу принадлежат и книга «Германский фашизм» (Галкин 1967), до сих пор остающаяся наиболее фундаментальным исследованием в этой области. — Прим. ред.

³ Левада 1969.

⁴ Параллельно это эссе было опубликовано во Франкфурте-на-Майне издательством «Посев» (см. Сахаров 1968).

Судьба творческих усилий исследователей была различной. Об итогах деятельности многих из них, реализованных в форме докладных записок или разделов в материалах, подписанных высоким начальством, знали лишь единицы. Следы их изысканий можно сейчас найти разве только в архивах.

У части исследователей (Майданик, Логинов) уже подготовленные к публикации книги были «заморожены». Тиражи некоторых изданий (в частности, «Лекций по социологии» Ю.А.Левады³, в которых было немало выходов на политические проблемы) были попросту изъяты.

Постепенно сложился феномен, вошедший в историю под названием «самиздат» (самостоятельное размножение рукописей на пишущих машинках или множительных аппаратах). Одним из наиболее популярных «самиздатовских» изданий того времени было эссе А.Д.Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»⁴. Но имелось и немало других.

Возможности для публикации работ, затрагивавших политологические проблемы, открывало участие в начавших выходить в 1960—1980-е годы многотомных изданиях: в томах «Всеобщей истории», посвященных новейшему времени (Институт всеобщей истории), в трехтомнике «Международные отношения после второй мировой войны» (ИМЭМО) и восьмитомнике «Международное рабочее движение: вопросы истории и теории» (ИМРД и Институт всеобщей истории).

Публиковались они и в ежегоднике «Рабочий класс в мировом революционном процессе», а также в некоторых иных изданиях.

Другим путем было участие в тематических сборниках, обычно именованных коллективными монографиями. Отдельные из них приобрели сравнительно широкую известность, большинство же нашло отклик лишь в научной среде. Среди последних можно упомянуть «Социально-политические сдвиги в развитых капиталистических странах»⁵, «Рабочие избиратели в странах Западной Европы»⁶, «Размежевания и сдвиги в социал-демократическом реформизме»⁷, «Не соперничество, а сотрудничество»⁸, «Пути и перепутья потерянного поколения»⁹. Разумеется, это перечисление далеко не полно.

Статьи с нетривиальным содержанием все чаще проскальзывали в популярные научные журналы, такие как «Вопросы философии», «Вопросы истории», «МЭиМО», «Международная жизнь», и даже в официальный орган ЦК КПСС журнал «Коммунист».

Начали появляться и авторские книги. Некоторые из них получили общественное признание, другие были оценены лишь специалистами. Но и те и другие оставили след в духовной жизни своего времени. К их числу можно без колебаний отнести «Диалектику и революцию» Г.Г.Водолазова¹⁰, «Социализм как общественный строй» и «Социализм как общественная система» А.П.Бутенко¹¹, многочисленные книги Ф.М.Бурлацкого, в том числе «Мао Цзэдун и его наследники»¹², а также подготовленные в соавторстве монографии «Социология, политика, международные отношения» и «Современный Левиафан»¹³, «Третий мир: общество, власть, армия» Г.И.Мирского¹⁴, «Диалектику революционного процесса» Ю.А.Красина¹⁵, «Фашизм и рабочее движение в Италии» Б.Р.Лопухова¹⁶, «Страны Востока: пути развития» Н.А.Симония¹⁷, «Социалистическую демократию» и «Куда идет человечество» Г.Х.Шахназарова¹⁸.

Специфическую форму публикаций представляли собой издания с грифом «для служебного пользования». С одной стороны, будучи снабжены этим грифом, они автоматически освобождались от цензуры. Тем самым в них можно было излагать мысли гораздо свободнее, чем в открытой печати. С другой стороны, в открытую продажу эти издания не поступали, а следовательно, круг допущенных к их чтению был ограничен. Вместе с тем со временем эти ограничения ослабли. Книги с грифом «для служебного пользования» начали получать не только учреждения и библиотеки, но и отдельные исследователи. Контроль над их сохранностью и потенциальной «миграцией» стал минимальным, что открыло возможность для передачи экземпляров друг другу. Во всяком случае, те, кто работал в исследовательских институтах и вузах, а также аспиранты и студенты последних курсов довольно легко получали доступ к подобного рода изданиям. И это существенно повышало их значимость и важность.

Основная масса изданий «для служебного пользования», имевших отношение к политической науке и политике в целом, готовилась

⁵ *Социально-политические 1971.*

⁶ *Рабочие 1980.*

⁷ *Размежевания 1983.*

⁸ *Не соперничество 1984.*

⁹ *Пути 1985.*

¹⁰ *Водолазов 1975.*

¹¹ *Бутенко 1974, 1984.*

¹² *Бурлацкий 1979.*

¹³ *Бурлацкий, Галкин 1974, 1984.*

¹⁴ *Мирский 1976.*

¹⁵ *Красин 1972.*

¹⁶ *Лопухов 1968.*

¹⁷ *Симония 1975.*

¹⁸ *Шахназаров 1981, 1984.*

ИНИОНам, публиковавшим обзоры литературы, посвященной теоретическим проблемам политологии, рефераты наиболее значимых политологических трудов, документы влиятельных зарубежных политических партий, аналитические записки, освещавшие расстановку политических сил в различных регионах, портретные зарисовки виднейших иностранных государственных деятелей и т.д. В качестве примера, навскидку, можно назвать такие реферативные сборники ИНИОНа, как «Современная буржуазная политическая наука» (ответственный редактор Ю.С.Пивоваров)¹⁹ и «Зарубежная научная литература о политической культуре стран Запада» (ответственный редактор Ю.А.Борко)²⁰. И выпускались они, как правило, регулярно.

¹⁹ Пивоваров 1979.

²⁰ Борко 1981.

К аналогичному способу публикации результатов научных изысканий прибегали, хотя и не так часто и не столь систематически, и другие исследовательские центры, в том числе Институт и Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт марксизма-ленинизма, ИМЭМО и ряд других.

Естественно, что многое из созданного в то время устарело. Но немалое сохранило свою ценность. А главное — было положено перспективное начало.

Большинство названных, как и многих не названных, исследователей политических процессов в полной мере раскрылись и реализовали себя на следующем этапе, в годы перестройки. Но это уже особая тема, требующая специального разговора.

Библиография

- Борко Ю.А. (ред.) 1981. *Зарубежная научная литература о политической культуре стран Запада*. — М.
- Бурлацкий Ф.М. 1979. *Мао Цзэдун и его наследники*. — М.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. 1974. *Социология, политика, международные отношения*. — М.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. 1985. *Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма*. — М.
- Бутенко А.П. 1974. *Социализм как общественный строй*. — М.
- Бутенко А.П. 1984. *Социализм как общественная система*. — М.
- Водолазов Г.Г. 1975. *Диалектика и революция*. — М.
- Галкин А.А. 1967. *Германский фашизм*. — М.
- Гефтер М.Я. (ред.) 1969. *Историческая наука и некоторые проблемы современности*. — М.
- Красин Ю.А. 1972. *Диалектика революционного процесса*. — М.
- Левада Ю.А. 1969. *Лекции по социологии*. — М.
- Лопухов Б.Р. 1968. *Фашизм и рабочее движение в Италии*. — М.
- Мирский Г.И. 1976. *Третий мир: общество, власть, армия*. — М.
- Михайлов С.В. 1999/2000. У истоков отечественной политической социологии (К 30-летию научной школы А.А.Галкина) // *Полития*. № 4 (14).

- Не соперничество, а сотрудничество.** 1984. — М.
- Пивоваров Ю.С.** (ред.) 1979. *Современная буржуазная политическая наука.* — М.
- Пути и перепутья потерянного поколения: Молодежь Запада у развалин общества «всеобщего благоденствия».** 1985. — М.
- Рабочие избиратели в странах Западной Европы.** 1980. — М.
- Размежевания и сдвиги в социал-демократическом реформизме.** 1983. — М.
- Сахаров А.Д.** 1968. *Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе.* — Франкфурт-на-Майне.
- Симония Н.А.** 1975. *Страны Востока: пути развития.* — М.
- Социально-политические сдвиги в развитых капиталистических странах.** 1971. — М.
- Шахназаров Г.Х.** 1981. *Социалистическая демократия: Некоторые вопросы теории.* — М.
- Шахназаров Г.Х.** 1984. *Куда идет человечество: Критические очерки немарксистских концепций будущего.* — М.